

НАСТОЯЩАЯ ЛЮБОВЬ

ХИТЫ ТЕЙЛОР ДЖЕНКИНС РЕЙД

Taylor Jenkins Reid

one true
loves

ТЕЙЛОР ДЖЕНКИНС РЕЙД

НАСТОЯЩАЯ
ЛЮБОВЬ

Москва
2018

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
P35

Taylor Jenkins Reid
ONE TRUE LOVES

Copyright © 2016 by Taylor Jenkins Reid
This edition published by arrangement with Taryn Fagerness
Agency and Synopsis Literary Agency

Перевод с английского *Ирины Наумовой*

Разработка серии и оформление обложки:
Александр Кудрявцев, студия графического дизайна
«FOLD & SPINE»

Рейд, Тейлор Дженкинс.

Р35 Настоящая любовь / Тейлор Дженкинс Рейд ; [пер. с
англ. И. Наумовой]. — Москва : Эксмо, 2018. — 384 с.

ISBN 978-5-04-097432-0

Эмме Блор повезло встретить настоящую любовь. Она планировала провести с Джессом много лет, чтобы у их истории был счастливый конец. Вместе они пережили взросление, объездили полмира и всегда знали — они родственные души, с рождения. Когда вертолет Джесса пропал над Тихим океаном, Эмма потеряла частичку себя. Нельзя полюбить кого-то так же сильно. Он был слишком хорош, чтобы заменить его на другого, а ушел слишком трагично, чтобы не сравнивать его с другими. Но жизнь подчас дарит нам сюрпризы. Большой настоящей любви свойственно повторяться. Не верьте стереотипам, что она непременно будет лишь раз в жизни. Эмма почти оскорблена тем фактом, что ее неудержимо влечет к Сэму, другу детства, чей образ жизни она всегда отрицала.

Ирония судьбы: отныне у Эммы есть целых две невыносимые любви, она разрывается пополам, а Джесс подает ей знаки «с того света»...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© И. Наумова, перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-097432-0

Эта книга является художественным произведением. Все ссылки на исторические события, реальных людей или места вымышлены. Имена, герои, места и события — плод авторского воображения, а любое сходство с подлинными событиями, местами или людьми, будь то живые или умершие, являются совершенным совпадением.

Я вместе со своим женихом заканчиваю ужинать в кругу семьи, когда звонит мой муж.

Сегодня день рождения моего отца, которому исполнилось шестьдесят четыре года. На нем надет его любимый свитер, тот самый из кашемира темно-зеленого цвета, который мы с моей старшей сестрой Мари выбрали для него два года тому назад. Думаю, именно поэтому он так сильно любит его. Да, и еще потому, что он из кашемира. Я не шучу.

Мама, одетая в белую блузку и брюки защитного цвета, сидит рядом с ним, стараясь сдерживать улыбку. Она знает, что с минуты на минуту принесут крохотный торт со свечой и мы запоем. В своей готовности удивляться она непосредственна, как ребенок.

Мои родители женаты уже тридцать пять лет. Они вырастили двоих детей и вместе ведут дела в успешном книжном магазине. У них две обожаемые внучки. Одна из их дочерей стала владелицей семейного бизнеса. Им есть чем гордиться. Для моего отца это счастливый день рождения.

По другую сторону от мамы сидит Мари, и именно в такие моменты, когда обе они сидят рядышком и смотрят в одном направлении, я понимаю, как они похожи. Каштановые волосы с шоколадным оттенком, зеленые глаза, миниатюрное телосложение.

Я же уродилась толстозадой.

К счастью, со временем я это оценила. Разумеется, есть немало песен, прославляющих зад, и если после тридцати я чему-то действительно научилась, то именно тому, что готова без всяких оправданий быть самой собой.

Меня зовут Эмма Блэр, и я толстозадая.

Мне тридцать один год, мой рост составляет пять футов и шесть дюймов¹, у меня светлые волосы и отросшая стрижка «под мальчика». Светло-карие глаза затмевают созвездие веснушек на правой скуле. Отец часто шутит, что мог бы составить из них Малую Медведицу.

На прошлой неделе мой жених Сэм подарил мне кольцо, на покупку которого он потратил почти двухмесячный заработок. Кольцо из розового золота с бриллиантом. Хотя это не первое кольцо, которое дарят мне в день помолвки, бриллиантов я никогда не носила. Когда я оглядываю себя, то только его и вижу.

— О нет, — говорит папа, заметив троих официантов, направляющихся к нам с освещенным пламенем свечи куском торта. — Ребята, вы не...

Это не ложная скромность. Отец краснеет, когда публика начинает петь в его честь.

Мама оглядывается, желая увидеть то же, что и он.

¹ Приблизительно 167 см. (*Здесь и далее примечания переводчика.*)

— О, Колин, — успокаивает его она. — Успокойся, это твой день рождения...

Официанты резко поворачивают налево и направляются к другому столу. Видимо, сегодня день рождения не только у моего отца. Мама, видя, что происходит, пытается исправить положение.

— ...Это оттого, что я не попросила их принести торт, — говорит она.

— Прекрати, — говорит папа. — Ты себя выдала.

Наконец официанты обслуживают чужой столик, а управляющий выходит с другим тортом. Теперь все они направляются прямо к нам.

— Если хотите, спрячьтесь под столом, — говорит Сэм. — Я скажу, что вас здесь нет.

Сэм ненавязчиво красив — на мой взгляд, красота не способна проявить себя лучше — глаза у него мягкого карего оттенка, отчего кажется, что он на все смотрит с нежностью. И он забавный. Правда. После того как мы с Сэмом начали встречаться, я заметила, что мои морщинки возле губ стали отчетливее. Вероятнее всего, это оттого, что я постарела, но я не могу избавиться от чувства, что просто смеюсь чаще, чем прежде, и именно в этом причина. Что еще ожидать от человека, если не доброты и юмора? Не уверена, что для меня имеет значение что-то другое.

Приносят торт, мы все громко поем, а отец краснеет, как свекла. Потом официанты разворачиваются, и мы остаемся наедине с огромным шоколадным тортом с ванильным кремом.

Официанты оставили пять ложек, но отец мгновенно сгребает их все.

— Не знаю, зачем они оставили так много ложек. Мне нужна всего одна, — говорит он.

Мама отнимает у него одну ложку.

— Не спеши, Эшли, — останавливает он ее. — Мне пришлось стерпеть унижение. Я должен съесть этот торт в одиночку.

— Если вам от этого весело... — говорит Мари, — то, прошу вас, устройте такую же канитель на мой день рождения в следующем месяце. Оно того стоит.

Мари отпивает глоток диетической кока-колы и смотрит на телефон, чтобы узнать, сколько времени. Ее муж Майк остался дома с моими племянницами — Софи и Авой. Мари редко оставляет их так надолго.

— Мне нужно идти, — говорит Мари. — Простите, что покидаю вас, но...

Ей не обязательно что-либо объяснять. Мама и папа встают и крепко обнимают Мари на прощание.

Сразу после ее ухода отец наконец соглашается поделиться с нами тортом, при этом мама говорит:

— Звучит грустно, но я не стану обращать на это внимания. Я не стану уходить раньше, потому что я так взволнованна оттого, что ко мне вернулись обе мои девочки.

Я точно знаю, что она скажет потом.

— Ребята, вы задумывались о том, когда сможете наконец-то пожениться?

Мне приходится сделать над собой усилие, чтобы не закатить глаза.

— Мама...

Сэм уже смеется. Он позволяет себе такую роскошь. Ведь он только из уважения относится к ней, как к матери.

— Я завела этот разговор потому, что все больше и больше исследований говорят о том, как опасно слишком долго ждать, прежде чем обзавестись ребенком, — добавляет мама.

Всегда найдутся исследования, доказывающие, что я должна поспешить, и те, что доказывают, что я не должна этого делать, а я решила, что рожу ребенка, когда буду себя чертовски хорошо чувствовать и буду готова, независимо от того, что прочитала моя мать на сайте *Huffington Post*.

К счастью, взглянув на мое лицо, она была вынуждена дать задний ход.

— Ничего, ничего, — говорит она, помахивая рукой. — Я говорю так же, как моя собственная мать. Забудь об этом. Я больше не буду.

Папа смеется и обнимает ее.

— Прекрасно, — говорит он. — Я в коме от сладкого, а у Эммы и Сэма есть дела поинтереснее, чем сидеть здесь с нами. Давайте попросим счет.

Через пятнадцать минут мы вчетвером стоим на улице у ресторана, поглядывая в сторону своих машин.

На мне темно-синее платье-свитер с длинными рукавами и плотное трико. Этого вполне достаточно для того, чтобы оградить меня от холодного вечернего воздуха. Это один из последних вечеров, когда я осмеливаюсь выйти без шерстяной куртки.

Самый конец октября. Осень уже обосновалась в Новой Англии, застав ее врасплох. Желтые и красные листья становятся коричневыми и хрустят под ногами. Сэм однажды уже заезжал в дом моих родителей, чтобы сгрести граблями листья и очистить двор. Скоро

наступит декабрь, когда температура опустится ниже нуля, тогда они с Майком будут грести снег.

Но сейчас в воздухе еще осталось немного тепла, поэтому я изо всех сил наслаждаюсь им. Когда я жила в Лос-Анджелесе, я никогда не наслаждалась теплыми ночами. Ты перестаешь радоваться тому, что длится вечность. Отчасти поэтому я переехала обратно в Массачусетс.

Шагая в сторону машины, я слышу приглушенный сигнал сотового телефона. Я пытаюсь найти его в сумочке, слыша, как отец упрашивает Сэма дать ему несколько уроков игры на гитаре. У папы досадная привычка, он хочет научиться играть на всех инструментах, которыми владеет Сэм, ошибочно принимая его не за учителя музыки, а за *своего* учителя музыки.

Я роюсь в сумочке, разыскивая телефон, и хватаю ту единственную вещь, которая светится и мерцает. Я не узнаю номер. Зональный код 808 ни о чем мне не напоминает, но пробуждает во мне интерес.

В последнее время ни у кого за пределами кодов 978, 857, 508 или 617 — это разные коды Бостона и пригородов — нет причин звонить мне.

А особенный код 978 всегда обозначал дом, независимо от того, на каком конце планеты я находилась. Я могла провести год в Сиднее (612) и несколько месяцев шагать с рюкзаком от Лиссабона (35121) до Неаполя (39081). Я могла провести медовый месяц в Мумбае (9122) и счастливо прожить несколько лет в Санта-Монике, в Калифорнии (310). Но, когда мне нужно было поехать «домой», код 978 означал для меня дом. И с тех пор ничего не изменилось.

НАСТОЯЩАЯ ЛЮБОВЬ

И вдруг я вспоминаю, что 808 — это Гавайи.

— Алло? — говорю я, отвечая на звонок.

Повернувшись, Сэм смотрит на меня, и скоро его примеру следуют мои родители.

— Эмма?

Голос, который говорит со мной, я узнала бы где и когда угодно, голос, который много лет был со мной день за днем. Тот самый, который, мне казалось, я никогда больше не услышу, я не готова даже поверить, что это он.

Мужчина, которого я любила с семнадцати лет. Мужчина, оставивший меня вдовой, когда его вертолет упал где-то над Тихим океаном и исчез без следа.

Джесс.

— Эмма, — говорит Джесс. — Это я. Я жив. Ты слышишь меня? Я еду домой.

* * *

Думаю, каждый из нас переживает такой момент, когда его жизнь раскалывается пополам надвое. Когда оглядываешься назад, на свою собственную линию жизни, то где-то на своем пути видишь острый зубец, какое-то событие, изменившее тебя больше, чем все остальное.

Момент, разделяющий все на «до» и «после».

Возможно, это случается, когда ты встречаешь свою настоящую любовь или когда рождается первенец. Может быть, это нечто удивительное. Может быть, нечто трагическое.

ТЕЙЛОР ДЖЕНКИНС РЕЙД

Но, когда это происходит, оно окрашивает твои воспоминания, меняет твой взгляд на собственную жизнь, и тебе вдруг кажется, будто все, что ты пережила, подпадает под ярлык «до» или «после».

Обычно я думала, что таким моментом в моей жизни была смерть Джесса.

Казалось, все, что было связано с нашей историей любви, вело к этому. И с тех пор все было реакцией на нее.

Но теперь я знаю, что Джесс никогда не умирал.

Все, что сегодня случилось *до*, кажется теперь другим, и я не имею ни малейшего представления о том, что случится *после* этого.

Do

ЭММА И ДЖЕСС

*Или история о том, как влюбиться
и пропасть*

Я никогда не была ранней пташкой. Но, когда я была подростком, моя ненависть к яркому утреннему свету была сильнее обычного по субботам, после восьми утра.

Отец, точный как часы, стучал в мою дверь и говорил: «Автобус отправляется через полчаса», даже если «автобусом» был его «Вольво», и он направлялся не в школу, а в наш семейный магазин.

Дядюшка моего отца основал магазин «Blair Books» в шестидесятых годах, на том самом месте, где он до сих пор и стоит — на северной стороне Грейт-Роуд в Эктоне, штат Массачусетс.

И, так или иначе, это означало, что, когда я подросла и получила законное право на работу, я в определенные дни недели после школы и каждую субботу должна была обзванивать по телефону заказчиков.

Мне досталась суббота, потому что Мари захотела воскресенье. Прошлым летом, накопив свою зарплату, она купила потрепанный темно-синий джип «Чероки».